

татами, у другой должен был остаться скверный осадок, который Михайловский в своих воспоминаниях называет одним словом: «стыдно». В самом деле, какой политической наивностью нужно было обладать, чтобы серьезно возлагать какие-либо надежды на переговоры с правительством Александра III! А, между тем, и Любатович, когда слышит предложение, исходящее от Плеве, и Михайловский с Тихомировым, когда от имени правительства к ним приходит Николадзе, и Лавров с Оловенниковой, когда с ними вступает в переговоры никому неведомая «Земская Лига», от которой они сами требуют доказательства ее существования,—все готовы обсудить, выработать условия, вступить в соглашение. По словам Дейча, и Тихомиров, и Оловенникова, и Лавров в переговорах с «Земской Лигой», «ни на минуту не сомневались в том, что предложение о прекращении террора исходит от «придворной либеральной партии», так как посредник «Лиги» все называл имена придворных особ, князей и графов». Когда Дейч высказал подозрение, нет ли во всем этом руки Судейкина, они отвергли это подозрение с негодованием. Да и много лет спустя видный член Народной Воли Прибылева, оправдывая своих товарищей от подозрений в легкомыслии, писала, что, ведя переговоры с «Лигой», они думали, что косвенно переговоры ведутся и с частью правительства. Но была ли это только политическая наивность? Плеханов отметил как-то, что отрицаемая утопическим социализмом *политика* логически вела их к *политиканству*. Народовольцы, пришли к такому концу. Признав необходимость политической борьбы, но сохранив утопические представления о социализме, они беспомощно стояли перед сложностью общественной обстановки без той веры, которая спасала народничество, по крайней мере, от такого рода ошибок. Потеряв веру в близкий социалистический переворот, и не будучи в состоянии подвергнуть критической оценке самые основы народничества, оценке, которая заменила бы веру знанием непреложных законов общественного развития, ведущих к победе социализма, они оставались без почвы, готовы были ухватиться за всякую соломенку, от политики пришли к политиканству. Перед ними был тупик, из которого выхода на прямую дорогу старыми путями не было.

6. „Черный передел“.

Обратимся теперь к другой организации, созданной после воронежского раскола,—к «Черному Переделу».

По словам Аптекмана, «Черный Передел», как организация, просуществовал недолго, несмотря на то, что в него вошло много выдающихся землевольцев: Плеханов, Засулич, Дейч, Аксельрод, Игнатов, Стефанович, Попов, Аптекман и др. Все складывалось для «Черного Передела» неблагоприятно. Деревенских поселений к

концу 1879 г. уже не было—все они распались. Приостановился и приток свежих сил в организацию: неудача агитации в деревне отражалась и на пропаганде среди молодежи, которую уже трудно было вдохновить на деревенскую работу. Не лучше обстояло и дело с городскими рабочими. Перед покушением Соловьева, многие из наиболее активных революционеров должны были на время покинуть Петербург, а когда они вернулись, то оказалось, что связи с рабочей средой ослабели, в особенности с «Северным Русским Рабочим Союзом». Нужно было снова наладить дело и за это взялся Плеханов. На созванном совесте чернопередельцев, он горячо убеждал товарищей направить свои силы в среду рабочих. «В живой, яркой и сильной речи обрисовал Плеханов наше тогдашнее положение—рассказывает Аптекман.—Мы—народники, но в народе у нас теперь точек опоры нет, фактически нет. Деревня—вне нашего революционного воздействия. Мы в этом не виноваты. нас так мало, а новые силы не прибывают к нам... Настроение наличных революционных сил молодежи не в пользу систематической работы в деревне. Настроение толкает молодежь на другой путь, на путь террористической деятельности. Но мы не должны падать духом. Есть работа и для нас, работа народническая. нас зовут городские рабочие. Разве они не те же крестьяне? Для этой работы у нас хватит своих сил, а за ними в этой работе пойдет и молодежь».

Но поправить положение становилось все более трудно. Степан Халтурин отошел от «Северного Русского Рабочего Союза», отдав себя делу террора, и связи с рабочими становились все слабее. «Когда чернопередельцы стали заводить связи с Союзом, через Союз с прочими рабочими,—рассказывает Аптекман,—союз, как рабочая организация, висел уже на волоске: гибель его уже была близка, а с его гибелью рушились и все наши начинания среди петербургских рабочих». Усилившийся белый террор заставил в начале 1880 г. выехать за границу Плеханова, Засулич, Дейча и Стефановича, так что «Черный Передел» сразу лишился наиболее крупных своих руководителей. В начале же 1880 г., благодаря предательству одного рабочего, была арестована типография «Черного Передела». Организация фактически была разгромлена и в сколько-нибудь значительном размере больше не возрождалась.

С другой стороны, как ни хотели чернопередельцы быть староверами революционного народничества, это им не удавалось: и они должны были сдать некоторые свои существенные позиции. Однако, радикального сдвига они не сделали и основ народничества их критика не коснулась. Поэтому, попадающиеся в нашей литературе указания на то, что чернопередельчество заключало в себе некоторые элементы марксизма, так же не верны, как причисление к марксистам последователей Лаврова середины 70-х годов. Правда, Плеханов, как и другие чернопередельцы, принимает некоторые основы учения Маркса, но принимает их не как мар-

ксист, а как бакунист, и выводы из них делает не марксистские, а народнические; эти некоторые стороны учения Маркса принимаются эклектически, т. е. они мирно уживаются с другими воззрениями, радикально с марксизмом расходящимися. Бакунин считал материалистическое объяснение истории одной из главных научных заслуг Маркса, но, принимая это учение, делал из него анархические выводы. Вслед за Бакуниным в таком же виде «марксизм» принимает чернопеределец Плеханов и другие. «Экономические отношения в обществе признаются нами основанием всех остальных, коренной причиной не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов», — писал Плеханов в первом номере «Черного Передела». Об этом же писал в том же номере «Черного Передела» Аптекман в своем открытом письме к товарищам, т. е. к народолюбцам: «Критика современного общества убедила людей науки, что в основе его лежат, главным образом, отношения экономические, которыми, по преимуществу и определяются остальные отношения — государственные, юридические, нравственные и пр.». Однако, из положения этого делается лишь то употребление, что им подкрепляется народническая утопия об экономическом перевороте, который, в качестве первопричины, поведет и к политическим переменам. Принимая экономические отношения за основание всех остальных, Плеханов делает тот вывод, что «экономическая поземельная революция неизбежно поведет за собой переворот во всех других общественных отношениях», Аптекман, с своей стороны, из того же положения делает вывод, что «каждая живая партия должна избрать точкою приложения своих сил, базис данного общества—его экономические отношения», и на этом основании заявлял, что, в противоположность народолюбцам, которые на первом плане ставят политическую борьбу, чернопередельцы ставят «экономическую» борьбу. Иначе, это означало, что так как экономические отношения лежат в основе всех остальных, то экономическая революция должна предшествовать или, в худшем случае, совпасть с революцией политической. Таким образом, материалистическое понимание истории служило лишь к оправданию народнической утопии. «Марксизм» принимался чернопередельцами в бакунистской обработке, или, другими словами, он шел к ним не от Маркса, а от Бакунина.

Поэтому, мысль о том, что экономические отношения лежат в основе всех прочих общественных отношений, нисколько не мешала чернопередельцам оставаться при старом существе народнических воззрений. «В настоящее время только общинное землевладение и артельная организация народной промышленности составляют практически осуществляемую в России часть социалистической доктрины», писал Плеханов в «Черном Переделе», усматривая по старому в общине и в артели «зародыш» социализма. И как в

«Земле и Воле» Плеханов призывал к «идеалам» Разина и Пугачева, так и теперь он приходит «к необходимости агитации во имя тех же начал, за которые уже боролись Разин, Пугачев и др.» Оставаясь верным основному положению революционного народничества, что освобождение народа должно быть делом самого народа, чернопеределцы находили необходимым по прежнему уделять все силы работе среди крестьянства: говоря об условиях и способах социалистической деятельности в России, Плеханов подчеркивал, что имеет в виду главным образом крестьянство. «В настоящее время,—писал Плеханов в конце 1880 г.,—промышленное развитие России ничтожно и понятие «трудящиеся массы» почти покрывается понятием «крестьянство». Плеханов не отрицает и «значения революционной работы в наших промышленных центрах», отказываясь «определять заранее, из каких слоев трудящегося населения будут вербоваться главные силы социально-революционной армии, когда пробьет час экономической революции в России». Но это признание остается таким же неуверенным и несвязанным с общими воззрениями, каким было признание необходимости агитации в рабочей массе, изложенное Плехановым в известной нам статье «Земли и Воли». В своих статьях в «Черном Переделе» Плеханов, как и раньше, доказывает, что агитация среди крестьян должна вестись на почве их непосредственных нужд, стараясь обобщать и расширять их требования в социалистическом духе.

Многое основное, таким образом, в воззрениях чернопеределцев сохранилось, но не все, переделали и они эволюцию. Как ни спорили они с народокольцами, по вопросу о политической борьбе и с терроре, но, в конце концов, признали и то, и другое, с теми или иными оговорками, в том или ином понимании.

«Не думайте, пожалуйста, товарищи,—писал Аптекман в своем открытом письме к народокольцам,—что я вообще против конституции, против политической свободы. Я слишком уважаю человеческую личность, чтобы быть против политической свободы... Говорить, что идея политической свободы для народа вещь непонятная, ненужная—не резон. Она для него такая же необходимая потребность, как и для интеллигенции». «Крупный террористический поступок в городе в известный момент может быть очень кстати», писал тот же Аптекман, имея в виду царевубийство. «Мы знаем цену политической свободы,—писал Плеханов,—и можем пожалеть лишь о том, что русская конституция отведет ей недостаточно широкое место. Мы приветствуем всякую борьбу за права человека, и чем энергичнее ведется борьба, тем более мы ей сочувствуем. «Света, больше света»—на этом требовании сойдутся все честные и уважающие себя люди в России». Но это признание политической борьбы сопровождается рядом оговорок. Прежде всего, Плеханов правильно указывает, что в борьбе этой партия должна опираться на народные массы и потому не должна прекращать своей работы

в крестьянстве. «Было бы печально,—писал он,—если бы, увлеченные политической борьбой, мы предоставили народным волнениям совершаться без нашего участия, воздействия и влияния... Социалистическая «партия» без почвы и влияния в народе, без заботы о их приобретении—это nonsense, «штаб без армии», мнимая величина, не имеющая значения в ходе общественной жизни страны». С другой стороны—и это для Плеханова наиболее существенно—политическая борьба не должна упускать из виду главной цели—экономической революции—и потому остается задачей второстепенной. «Выступая активно в моменты общественных кризисов, пишет он,—народ преследует именно цель своего экономического освобождения. Вопросы политические имеют для него второстепенное значение, если не игнорируются им совершенно». Поэтому и для партии «всякое ее отклонение с пути экономической революции будет наказываться ослаблением ее связи с народом, потерей ее значения, падением ее влияния в народной среде». А потому—заканчивает Плеханов,—«при всем нашем сочувствии политической борьбе, на которую устремилось уже не мало сил, когда-то рабабавших вместе с нами, мы говорим, что борьба эта имеет лишь второстепенное значение».

Обобщить этот сдвиг в воззрениях чернопеределцев пытался Аксельрод в составленной им программе «Северно-русского общества «Земля и Воля», которое должно было заменить «Черный Передел». Программа признает, что крестьянство составляет в России «коренную силу в экономическом и численном отношении», что община при переходе земли в руки народа обеспечивает уничтожение частного землевладения, и замену его коллективным. что артельная организация промыслов является следствием «общинных привычек» народа,—иначе программа признает крестьянские «идеалы» и «общинные привычки» зародышем грядущего социализма. Поэтому, «скорейшее совершение ожидаемой народом аграрной революции было бы весьма существенным, как переходная ступень для нового переустройства общества на социалистических основаниях, в связи с чем главной задачей остается сосредоточение всех сил в деревне с целью агитации на почве требовавший земельного передела и организации народно-революционных сил. Что касается рабочих, то по своей малочисленности они «не могут даже начать борьбы за свои интересы помимо союза с крестьянством», и потому деятельность в среде промышленных рабочих является лишь «необходимым дополнением к революционной деятельности в деревне». До сих пор никаких отступлений от народничества нет, но они следуют дальше. «В виду того,—говорится в программе,—что всякая форма государственной организации, основанной на различии классов, является воплощением и поддержкой интересов эксплуатирующего меньшинства, что современное российское государство является самым беззастенчивым и самым грубым выразите-

лем этой тенденции—общество «Земля и Воля» признает необходимость непосредственной борьбы с его представителями, т. е. необходимость так называемого террора политического. Однако, общество «Земля и Воля» признает, что сосредоточение на этой борьбе не только всех, но даже и главных его сил поставило бы его в противоречие с указанными выше задачами аграрной революции». Наконец, допуская возможность конституционного движения в России, программа предвидит возможность использования партией в такой момент возбуждения умов, «чтобы ослабить веру народа в значение мирных легальных реформ», и предусматривает участие в избирательной кампании партийных кандидатов с социально-революционной программой.

Как видим, стройности и последовательности в этой программе мало, как мало их вообще в воззрениях чернопередельцев. Старая программа потерпела столь значительный урон, как признание политической борьбы и даже политического террора, но полностью сохранила все народническо-утопические настроения; готовность считаться с возможностью конституционного движения мирно уживается с ожиданием «экономической революции», движущей силой которой останутся «народные идеалы». Эволюция Черного Передела, происходящая под влиянием тех же причин, что и эволюция народовольцев, приведшая к расколу на воронежском съезде. Насыщенная политической борьбой атмосфера заставляет чернопередельцев, вслед за народовольцами, признать «политику» и даже террор. У тех и у других—у чернопередельцев как и у народовольцев,—признание «политики», не сопровождается переоценкой отношения политической борьбы к борьбе за социализм. И те и другие не делают дальнейшего шага вперед к пересмотру основ народничества с его верой в особые пути развития России, но пытаются признание «политики» примирить со старым, приспособить его к утопическим предрассудкам. Такое примирение, конечно, не удастся, новое поверхностно связывается со старым, а такая связь не может быть прочной. Народовольцы, отдав себя целиком политической борьбе в том виде, в каком они ее приняли на основе старого народничества, оторвались от работы в крестьянской массе и превращались в радикалов. Чернопередельцы, приняв политическую борьбу с меньшей решительностью и последовательностью, чем народовольцы, при фактически ничтожной работе в крестьянстве, остались обреченными на бессилие. В конце концов, и те и другие оказались у тупика, к которому были приведены общим для них предшествующим процессом разложения народничества.

7. Утопический социализм на русской почве.

Мы должны теперь подвести некоторые итоги, так как находимся на рубеже нового периода нашего революционного движения.